

Моск. Росс. сов. театр, 1979, 24 июля

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ В... УЧИТЕЛЬСКОЙ

ПРЕДСТАВЬТЕ ситуацию: восьмиклассник Толя Апраксин в наказание за участие в коллективном избиении товарища доставлен дежурным педагогом в учительскую, где он в ожидании родителей простоит всю смену. И так как Толя не глухой и не слепой, он услышит и увидит здесь столько нового, неожиданного, что к концу дня в его наказании уже не будет особой надобности. Апраксин без чьей-либо помощи вдруг поймет, что учителя — такие же люди. Что у них свои заботы, свои трудности. Что иногда они бывают несправедливы не только к ученикам, но и друг к другу. Что они умеют шутить, могут ссориться, не чужаются любви, знают цену настоящей дружбе. Пребывание в учительской, может быть, станет для Толи первым серьезным уроком на пороге отрочества в юность.

Я был не на премьере в Центральном детском театре, а на обычном представлении, к тому же еще замененном. В зале сидели школьники старших классов, их родители, учителя. Аудитория для данного случая идеальная. Но, к сожалению, попадались и пятиклассники. По тому, как реагировали эти последние, ясно было, что их зря привели сюда сегодня. Ничего, кроме вреда, «Разговоры в учительской, слышанные Толей Апраксиным лично», им принести не могли. Больше того, своим поведением

пятиклассники смущали и всех остальных, невольно смещая акценты. Я говорю об этом потому, что детский театр никогда не должен забывать, что он театр особого назначения.

Спектакли, посвященные острым проблемам современной школы, появлялись в репертуаре Центрального детского театра и прежде. Может быть, реже, чем хотелось, но все же были. Здесь стоит вспомнить хотя бы «Друг мой, Колька» А. Хмелика, «Гусиное перо» С. Лунгина и И. Нусинова, «Они и мы» Н. Долининой. Это были совершенно разные пьесы и спектакли, поставленные разными режиссерами. Но их объединяла поразительная искренность, откровенность, честность, подлинное доверие к духовным возможностям подростков.

Новый спектакль ЦДТ как бы продолжает эту же линию. И потому мы вправе рассматривать его с тех же высоких позиций. Автор пьесы ленинградский драматург Рудольф Кац, как мне кажется, не зря вынес в заголовок такое сложное предложение. Не просто «Разговоры в учительской», но «Слышанные Толей Апраксиным лично». Следовательно, мы видим и слышим все происходящее там в преломлении подростка. Это очень важное обстоятельство, которое театр, по-

моему, иногда упускает из виду. А тогда и мы забываем о нем. Разговоры в учительской превращаются в самостоятельные небольшие новеллы, вовсе не связанные с главным сюжетом. Но ведь это неверно. Любое событие там мы должны воспринимать только через восприятие Апраксина.

Здесь произошла парадоксальная история. Известно, какой вред может принести недоверие театра к автору. Но режиссер Сергей Яшин, кажется, впал в другую крайность. Он до такой степени увлекся событиями в учительской, что позабыл о Толе Апраксине, ради которого и от имени которого написана пьеса. Правда, совсем не просто все время иметь это в виду. Ведь даже учителя порою забывают, что рядом с ними — ученик: иначе и пьеса не получилась бы. Но режиссер на такую «забывчивость» права не имеет.

Если бы он не отвлекался по сторонам, не придумал бы, например скелет, в челюстях которого оказалась заплата повязка дежурного учителя; не потратил бы столько пыла на постановку «всамделишной» драки между Апраксиным и Дудыльченко (которые мои юные соседи готовы были в нее ввязаться), а всю свою энергию направил бы исключительно на углуб-

ленную разработку характеров, то актерских удач в спектакле могло быть ровно столько, сколько ролей в пьесе. Это не означает, что их вовсе нет. Но могло быть и больше. А главное, они могли быть еще более значительными.

Для этого надо было детальнее сценически разработать каждый образ, выявить, в каких взаимоотношениях данный человек находится со всеми остальными. Наконец, какую роль он играет в рассказе Апраксина.

В спектакле далеко не исчерпанными оказались характеры учителей Семена Антоновича, Федора Федоровича, директора школы Андрея Петровича, завхоза Бориса Григорьевича. А нам, как и Апраксину, очень важно понять, кто же прав в споре с Федором Федоровичем? Но для этого необходимо, чтобы мы самостоятельно могли выслушать позиции сторон, а не принимали бы на веру чужое, пусть и правильное мнение. Ведь не просто так, из упрямства, объявляют ребята директору школы бойкот и требуют возвращения Федора Федоровича. Значит, есть у него какие-то свои «секреты». В чем они? Почему мы должны верить на слово Андрею Петровичу? Только потому, что он — директор? Даже восьмиклассник Коля Тарутин не обязан этого де-

лать. Он должен подчиняться — согласен. Но верить по принуждению невозможно, это безнравственно.

Мне могут возразить: и в пьесе так. Отчасти это будет справедливо, но только отчасти. Прежде всего пьеса рождается вместе со спектаклем. Следовательно, Центральный детский театр, первым поставивший ее, несет ответственность и за пьесу. Кроме того, в наши дни пытаться рисовать любой образ одной краской — черной или розовой, все равно, — дело одинаково бесперспективное.

Это еще раз подтвердил опыт Центрального детского театра. Лучшие актерские работы в последней премьере — многомерны, лишены предвзятости. Театр доверяет нам самим определить свое отношение к учителям Ольге Николаевне (Т. Надеждина), Розе Абрамовне (А. Елисеева), Нине Александровне (Н. Оленева), Олегу Сергеевичу (В. Кисленко), Галине Андреевне (А. Соловьева). К школьникам Толе Апраксину (В. Прянчин), Дудыльченко (В. Василенко), Козельской (Е. Краснобаева), Тарутину (В. Понарин).

Так и должно быть в театре, приглашающем старшеклассников и их родителей, педагогов, комсомольских активистов для серьезного разговора о смысле жизни, о назначении человека.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.